

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Невская Т.А.¹, Зверева Л.А.¹

¹ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия, e-mail: info@ncfu.ru

В статье рассмотрены особенности коллективных представлений у славянского населения Северного Кавказа – казаков и крестьян, заселявших этот регион с конца XVIII до начала XX в. Общественное сознание северокавказских крестьян типологически было сходно с сознанием русского населения центральной России, однако имело свои особенности, сформировавшиеся вследствие специфических условий жизни на колонизируемых территориях. Особое внимание уделяется правовым представлениям, которые являются важнейшей составляющей общественного сознания. Анализируются представления крестьян о земле, о собственности, о преступлении. В работе показана тесная связь общественного сознания с православием и сделаны выводы о характерных чертах менталитета северокавказских славян – противопоставление должного поведения для «своих» и «чужих», коллективизм, регулирование обычным правом групповых, а не личностных взаимоотношений. Доказано, что учет традиционного правового сознания совершенно необходим при проведении преобразований и реформ, ибо они могут быть успешными только в случае положительного восприятия их населением.

Ключевые слова: славянское население, Северный Кавказ, общественное сознание, правовое сознание, обычное право, Ставрополье, крестьяне, казаки, община, реформы, собственность

PUBLIC CONSCIENCE AND COLLECTIVE NOTION OF THE SLAVONIC POPULATION IN NORTHERN CAUCASIA DURING THE PERIOD FROM THE 19TH CENTURY TO THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Nevskaya T.A.¹, Zvereva L.A.¹

North Caucasian Federal University, Stavropol, e-mail: info@ncfu.ru

The article shows peculiarities of the collective notion of the Slavonic population in Northern Caucasia including the Cossacks and peasants who lived in this region from the end of the 18th century to the beginning of the 20th century. Public conscience of Northern Caucasia peasants was typologically similar to the public conscience of the Russian population of Central Russia but it had its peculiarities that were formed as a result of specific living conditions on the colonized territory. Special attention is given to legal notion which is the most important part of public conscience. Peasants' notion about land, property and crime is analyzed. The paper represents close connection of public conscience with the orthodoxy and draws conclusions about features of Northern Caucasia peasants' mentality namely opposing appropriate conduct for their members and the aliens, collectivism, regulation of group (not personal) relationship by common law. It is proved that taking traditional legal consciousness into account is really essential for putting reorganization and reforms into effect because the success can be reached only when they are positively assimilated by the population.

Keywords: Slavonic population, Northern Caucasia, public conscience, legal consciousness, common law, Stavropol region, peasants, the Cossacks, community, reforms, property

Целями данной статьи являются анализ важнейших компонентов общественного сознания славянского населения Северного Кавказа, выявление специфики коллективных представлений крестьян и казаков, рассмотрение факторов, формирующих эти представления. Статья базируется на материалах Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), периодической печати исследуемого времени. Используются антропологический и культурологический подходы для анализа источников.

Славянское население Северного Кавказа проживало в иноэтническом окружении, соседствуя с горскими и кочевыми народами, у которых крестьяне и казаки заимствовали не только хозяйственные навыки и предметы культуры жизнеобеспечения, но и некоторые явления духовной культуры, образа жизни. Однако общественное сознание северокавказских казаков и крестьян оставалось славянским, причем в нем сохранялись некоторые архаические черты, которые в центральных областях страны не были так ярко выражены. Важнейшей составляющей общественного сознания являются правовые представления. Традиционное правовое сознание славян было тесно связано с религией. Понятие преступления у славянского населения коренным образом отличалось от аналогичного понятия у горских народов. Если горцы понимали преступление как нанесение вреда, то русские понимали преступление как грех, деяние против законов совести и правды. Любое обычное право этнично, его нормы имеют распространение не столько на определенной территории, сколько у конкретного народа. Поэтому традиционное право обычно связано с этнической религией, т.е. с языческими представлениями. Однако у славян в XIX в. православие уже настолько прочно вошло в народное сознание, что и правовые нормы увязывались именно с христианской религией.

Поскольку преступление – это грех, следовательно, наказание должно помочь искупить грех. Поэтому у русских крестьян были распространены телесные наказания, так как физические страдания помогают очищению от греха. Представление о преступлении как грехе приводило к тому, что преступления против государства, в частности обман должностных лиц, в сознании крестьян не считались серьезными, так как не являлись грехом. Например, в период проведения столыпинской аграрной реформы среди ставропольских крестьян нередко были случаи, когда хозяин подавал прошение о выдаче ему ссуды на улучшение хозяйства (строительство колодца, плотины и т.п.), нередко получал эту ссуду, тогда как впоследствии выяснялось, что этот человек уже и землю давно продал. Сельские общества в надежде получить дополнительную землю старались обмануть чиновников, жалуясь на малоземелье. При проверках оказывалось, что наделы в этих селах значительно превышают те, которые были признаны недостаточными [1, с. 107].

Здесь мы видим еще одну характерную черту обычно-правового сознания – противопоставление норм для «своих» и «чужих». Обман своих односельчан крестьянами не приветствовался, решительно осуждался, зато обман власти нередко рассматривался как проявление смекалки, даже своеобразная доблесть. В отчетах чиновников нередко встречаются жалобы на попытки крестьян обмануть «начальство».

Существование различных норм, которые применялись для «своих» и «чужих», особенно хорошо прослеживается в отношениях казаков и горцев в период кавказской

войны. Если угон скота у жителей соседнего села или станицы вооруженными лицами рассматривался как грабеж, то угон скота у горцев в ответ на их набег был вполне законным с точки зрения казаков актом. Такой скот распределялся, как правило, между всеми дворами станицы.

Следующей характерной чертой обычного права славян был коллективизм. Коллективный характер бытования традиционных норм проявлялся в том, что все дела в общине решались прилюдно, при большом стечении народа, причем не только заинтересованных сторон и родственников, но и просто любопытствующих. Так, например, после смерти мужа вдова назначалась опекуном над наследниками, т.е. своими детьми. В этом качестве она должна была ежегодно отчитываться перед обществом о произведенных ею в хозяйстве расходах, о сохранности полученного при наследовании имущества, для чего составлялся подробный список всех вещей, оставшихся после смерти кормильца, с указанием не только количества стульев и других предметов обихода, но и ложек, сковородок и т.п.

Коллективизм, как мы видим, проявлялся и в том, что община решала многие чисто семейные дела (например, дела о разделах больших семей, выделах сыновей, усыновлении детей). Сила обычного права опиралась на авторитет общины, в рамках которой оно было выработано. Юридическая сила обычая основана, как говорят юристы, на «силе факта» и общественном авторитете [4, с. 24]. Здесь встает проблема санкционирования обычного права государством. Надо отметить, что большинство традиционных норм у русских крестьян имело негосударственное происхождение, однако государство нередко санкционировало применение этих норм в сельских общинах. Это проявлялось не только в широком использовании обычного права волостными судами, но и в том, что общины наделялись правовыми полномочиями.

Например, сельское общество было нетерпимо к таким порокам, как пьянство, лень, растрата семейного имущества. Община выносила приговоры с требованием к администрации «удалить из общества лиц порочного поведения». По приговору общества такие лица подлежали ссылке в Сибирь. Здесь мы видим, что государство санкционировало не конкретное правило поведения, а возможность использования традиционного права для решения определенных вопросов. Даже если в селе происходило убийство, то убийца мог вообще избежать наказания, если мотивы его поступка встречали сочувствие односельчан (например, если сын убивал в драке пьяного отца, вступившись за избиваемую мать). Здесь можно усмотреть и такую особенность обычного права, как соответствие традиционных норм нравственным идеалам, содержание в этих нормах этической оценки поведения человека.

Другой характерной чертой обычного права был примитивный характер судопроизводства. Клятвы или честного слова часто было достаточно для вынесения приговора. В качестве наказания нередко применялись увещевания или действия, позорящие преступника. Так, уличенным в воровстве на шею вешали украденное (будь то яблоки или сапоги) и в таком виде водили по селу. Как правило, такого наказания было достаточно. У казаков распространенным наказанием за серьезные проступки были удары киями. Причем провинившихся нередко возили с кордона на кордон и на каждом посту наказывали публично «в пример прочим». Это говорит о том, что юридические нормы крестьян имели нередко символический характер, т.е. сопровождались определенными обрядами.

Архаическое право имеет, как известно, групповой характер, т.е. он регулирует отношения не между лицами, а между группами – родами, семьями, кланами. Обычное право славян далеко ушло в своем развитии, и регулирование отношений между личностями в нем было достаточно разработано. Однако в правосознании крестьян и казаков сохранились и нормы группового характера. Особенно проявляется эта черта традиционного права в представлениях о собственности.

В крестьянском праве наряду с общинной собственностью на землю господствовало понятие групповой семейной собственности на имущество, поэтому в начале XX в., когда проводились столыпинские преобразования, многие крестьяне с таким трудом воспринимали полученное в результате выхода из общины право собственности главы семьи на землю и основное имущество. Члены семьи всегда владели имуществом совместно, только приданое невесток составляло их личную собственность. Однако даже деньги, заработанные на стороне сыновьями или невестками главы семьи, поступали в общий фонд, распоряжались которым глава семьи с женой. По поводу крупных трат обычно советовались со старшим сыном и невесткой, однако деньги, полученные от стороннего заработка невестки, могли истратить на одежду или обувь для дочерей на выданье.

Многие законодательные акты, принимаемые центральной властью, вступали в противоречие с традиционным правовым сознанием крестьян и казаков. Это весьма затрудняло проведение реформ. Так, например, столыпинское аграрное законодательство воспринималось многими крестьянами как несправедливое, так как давало право собственности на землю и хозяйство одному главе семьи. В период проведения столыпинской реформы отмечались случаи, когда домохозяин, укрепив за собой надельную землю, продавал ее, а деньги пропивал или тратил, оставляя таким способом детей, нередко имеющих свои семьи, без средств к существованию [6, с. 430–431]. Таких случаев в общей массе было немного, но они вызывали большой резонанс в крестьянской среде.

В роли нормотворческого органа, а также хранителя крестьянских правовых традиций выступала, как уже было сказано, общинная организация. Обычно-правовые нормы русского крестьянства имели много общего по всей территории страны, однако их проявление в локальных условиях во многом зависело от особенностей общинной жизни крестьян региона. На Северном Кавказе община была наделена всесторонними функциями местного самоуправления, в том числе правовой и судебной.

Община была прежде всего поземельной организацией, поэтому важное место в крестьянской жизни занимали вопросы регулирования землепользования. До 1870-х гг. крестьянское, как и казачье землепользование, носило «захватный характер». Прощения и требования крестьян в административные органы по поводу наделения землей в конце XIX – начале XX вв. также отчетливо показывают характерную черту крестьянского коллективного сознания – раз земля не занята крестьянами под пашню, чиновники обязаны отдать ее малоземельным или безземельным [2, с. 116]. Поэтому ставропольских крестьян и особенно иногородних (переселенцев, не приписанных к сельским обществам и поэтому не имевших надела) так возмущали значительные земельные наделы кочевников – туркмен и ногайцев. Ставропольские туркмены пользовались наделами в размере 86 десятин на душу мужского пола, ногайцы – более 30 десятин. Иногородние крестьяне, арендовавшие землю у кочевников, постоянно требовали от губернского начальства передать эту землю в их наделное пользование. Свои просьбы они мотивировали тем, что туркмены не обрабатывают землю личным трудом. Несмотря на разъяснения чиновников МВД, что подобные просьбы не могут быть удовлетворены без согласия самих инородческих общин, требования о наделении арендаторов землей из дач обществ кочевников продолжали поступать в больших количествах [5, с. 1–2]. В крестьянской среде были сильны представления о справедливости как уравнительности всех, а понятие неприкосновенности земельной собственности, даже если это касалось прав целого народа, было чуждо крестьянскому менталитету.

Для мировоззрения русских крестьян было характерно представление о том, что земля должна даваться крестьянам государством, а не покупаться у кого-либо. Идея «земля как товар» с трудом воспринималась большинством населения, причем это было связано не с экономическим положением крестьян, а скорее с причинами психологического характера. Поэтому значительная часть северокавказских крестьян, как коренных, так и иногородних, прибегала к аренде земли, причем в значительных размерах, однако, когда вставал вопрос о покупке земли, то он вызывал протест многих крестьян. Это подтверждают многочисленные факты.

Например, в 1903 г. в Кубанской области товарищество крестьян купило имение «Кудако» при содействии Крестьянского Банка. Крестьяне отказывались вносить платежи в Банк, после чего имение перешло в собственность банка, который решил заключить договоры аренды с каждым членом товарищества отдельно. Хотя с юридической точки зрения дело обстояло безукоризненно, среди крестьян началось брожение, и была послана петиция в Думу с просьбой отобрать у банка землю и вернуть товариществу. Арендные договоры подписали лишь немногие хозяева, хотя все продолжали пользоваться землей. Крестьяне были уверены, что выгнать их с земли никто не имеет права, хотя за эту землю они не стали платить. Банк предложил крестьянам выкупить землю хуторскими участками на весьма льготных условиях – задаток, уплачиваемый из собственных средств, должен составлять всего лишь 2–10% продажной цены. Однако многие крестьяне не пожелали вовсе покупать землю, а вновь обратились в Думу [3, с. 69]. Этот пример наглядно характеризует правовое сознание крестьян, основанное на общинных представлениях об общности прав на землю, о том, что земля «ничья», «божья».

Уравнительное общинное землепользование крестьян, признаваемое российским законодательством правомерным и даже до проведения столыпинской реформы обязательным, на Северном Кавказе, в частности на Ставрополье, принимало своеобразные формы. Причем нормы обычного права, регулирующие землепользование, у славянского населения региона сохранялись значительно дольше, чем в других областях России. Община нормировала землепользование крестьян только в отношении пахотной земли. Леса, кустарники, выгоны и сенокосы не делили на участки, а оставляли в общем пользовании. Характерно, что земля, отводимая под выгон скота, не делилась вовсе. На Северном Кавказе скотоводство было важнейшим, а до середины XIX века — и основным занятием крестьян, поэтому выгоны занимали значительную площадь общинных земель. На выгоне выпасалось общественное, т.е. составленное из скота всех дворов, стадо. Пользование этой землей не было уравнительным, так как богатые семьи выпасали на общем выгоне целые стада скота, а бедные – 1–2 коровы. Однако общинное право, возникшее в центральных областях, где семьи имели немного скота, предписывало землю под выпас не делить, и эти юридические обычаи прочно сохранились вплоть до 1917 г.

Общинно-правовое сознание крестьян определяло их представления о добре и зле, о «правильном» или «неправильном» поведении властей, а также о правомерности и необходимости преобразований, перемен в крестьянской жизни. Многие законодательные акты, принимаемые центральной властью, вступали в противоречие с традиционным правовым сознанием крестьян и казаков. В начале XX в. наблюдается тенденция постепенного вытеснения обычного права из жизни северокавказских крестьян, что было

связано в первую очередь с изменением социально-экономической ситуации. Однако исторический опыт показывает, что традиционное правовое сознание нередко в большей степени определяет образ жизни и быт, чем общероссийское законодательство. Учет этого правосознания совершенно необходим при проведении преобразований и реформ, ибо они могут быть успешными только в случае положительного восприятия их населением.

Таким образом, рассмотрев коллективные представления крестьян и казаков Северного Кавказа, можно выявить тесную связь общественного сознания с православием, а также сделать выводы о характерных чертах менталитета северокавказских славян. Это противопоставление обычно-правовых норм, определяющих должное поведение для «своих» и «чужих»; коллективизм; регулирование обычным правом групповых, а не личностных взаимоотношений. Учет традиционного правового сознания совершенно необходим при проведении преобразований и реформ, ибо они могут быть успешными только в случае положительного восприятия их населением.

Список литературы

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) Ф.102. Оп.1. Д.8. Л.107.
2. ГАСК. Ф.102. Оп.1. Д.24.
3. Городецкий Б.М. Развитие крестьянского землевладения на Северном Кавказе в связи с деятельностью Крестьянского Поземельного Банка. Статистико-экономический очерк // Кубанский сборник на 1913 год. Т.18. – Екатеринодар, 1913. – С. 504.
4. Зумбулидзе Р.-М. З. Обычное право как источник гражданского права // Обычай в праве. – СПб, 2004. – С. 247.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.1291. Оп.84.Д.30.Л.Л.1-2.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф.91.Оп.1. Д. 802. Л.69-69 об.; «Северокавказская газета» № 201. 14 сентября 1910 г.

Рецензенты:

Колесникова М.Е., д.и.н., профессор кафедры истории России ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Покотилова Т.Е., д.и.н., профессор кафедры истории России ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.